

ГНОСЕОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

© 2020 г. С. А. Бочкарёв

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.04.2020 г.

Аннотация. В статье обосновано, что невысокий уровень использования гносеологического опыта объясняется небольшим числом междисциплинарных исследований, обеспечивающих циркуляцию и взаимообогащение различных сфер знания. Отсутствие философско-правовых изысканий ведет к тому, что мы имеем представления о гносеологии как теории познания и ее принадлежности к одному из ключевых разделов философии, но не имеем знаний о гносеологии уголовного права, о возможности их получения для науки.

Ключевые слова: право, уголовное право, аксиология, онтология, гносеология уголовного права, философия права, философия уголовного права, истина, мораль.

Цитирование: Бочкарёв С.А. Гносеология уголовного права: постановка вопроса // Государство и право. 2020. № 9. С. 33–40.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16151 мк.

DOI: 10.31857/S102694520011318-0

EPISTEMOLOGY OF CRIMINAL LAW: SETTING THE QUESTION

© 2020 S. A. Bochkarev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: bo4karvs@yandex.ru

Received 08.04.2020

Abstract. The article draws attention to a number of issues related to the cognitive process, but very little in demand by the science of Criminal Law, the resolution of which is engaged in epistemology. It is also proved that the low level of use of epistemological experience is due to a small number of interdisciplinary studies that ensure the circulation and mutual enrichment of various fields of knowledge. The lack of philosophical and legal research leads to the fact that we have ideas about epistemology as a theory of knowledge and its belonging to one of the key sections of philosophy, but we do not have knowledge about the epistemology of Criminal Law, the possibility of obtaining them for science.

Key words: law, Criminal Law, axiology, ontology, epistemology of Criminal Law, Philosophy of Law, Philosophy of Criminal Law, truth, morality.

For citation: Bochkarev, S.A. (2020). Epistemology of Criminal Law: setting the question // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 33–40.

«В личности есть знание себя как предмета, возведенного мышлением в простую бесконечность и благодаря этому пребывающего в чистом тождестве с собой»¹.

Г.В.Ф. Гегель

Представления о науке уголовного права считаются настолько определенными и традиционными, что сегодня к ним практически не обращаются. Для этого имеются основания. Твердую уверенность в знании о науке вселяет история становления уголовного права как самостоятельной научно-практической дисциплины. Такое положение дел, конечно, не оспаривается.

Невысокий уровень использования гносеологического опыта объясняется небольшим числом междисциплинарных исследований, обеспечивающих циркуляцию и взаимообогащение различных сфер знания. Отсутствие философско-правовых изысканий ведет к тому, что мы имеем представления о гносеологии как теории познания и ее принадлежности к одному из ключевых разделов философии, но не имеем знаний о гносеологии уголовного права, о возможности их получения для науки.

Публикации по гносеологии нельзя сравнить с учебником, курсом лекций или пособиями и произведениями, где, как правило, либо излагаются общеизвестные постулаты теории уголовного права, либо развивается научно-практическая полемика на заданную или выбранную автором тему. Соответствующие же темы в гносеологических исследованиях поднимаются и активно обсуждаются. При этом акцент делается не только на определенных темах, но и на процессе и динамике их исследования, результатах рассмотрения, данные о которых для подобного рода изысканий выступают в качестве основного эмпирического материала. В этом случае и определенное дистанцирование, и определенное отвлечение от темы происходит исключительно от имени и во имя темы, для последующего и неперменного возврата к ней с целью вскрытия ее не востребованного потенциала.

Объектом опытного наблюдения выступает не только реальность криминального происшествия, но и реальность его восприятия субъектами познания. Здесь важно отметить, что реальность преступления не отвергается и не переводится на второй план, а наоборот, из объекта наблюдения переводится в средство созерцания. Наряду с другими инструментами используется в качестве способа верификации реальности рассмотрения совершенного посягательства, т.е. на первый план выходят вопросы не о том,

что, где и когда произошло, а о том, кем, как и почему именно так, а не иначе соответствующее событие оценено. Исходя из этого, становится очевидным, что внимание переносится с объектов познания на субъекты познания, а ими, в свою очередь, выступают не только ученые, но и обыватели, законотворцы и правоприменители, а также органы государственного управления и общество в целом. Каждый из них через опытное столкновение с преступлением не только физически и психически ощущает на себе его последствия, но и одновременно с этим умозрительно постигает их. Через познавательные процедуры (например, сравнение со своим прошлым опытом или текущей окружающей практикой) вырабатывает к актам посягательства персональное отношение, а по итогам заключает о наличии в них гражданско-правовых, либо уголовно-правовых свойств. Тождественный состав субъектов, как для реальности происшествия, так и для реальности его познания, еще раз указывает на то, что постигаемые темы фактически не исчезают.

Отраслевые темы служат поводом для их же исследования, но только в составе вопросов другого — гносеологического, или, по Э. Корету, интенционального порядка. Неотъемлемое условие их рассмотрения — это возможность обратного отнесения предметной интенции к себе — в знание о самом себе (нетематическое)². Например, путем выяснения причин, по которым специалисты об одном и том же уголовно-правовом явлении получают либо воспроизводят разное знание. Или, напротив, несмотря на смену эпох и общественно-политических укладов, не получают о предмете своего интереса искомой разности. Либо вовсе о нем забывают, как, например, в отечественной науке уголовного права позабыли о недоверии к рецепции зарубежных, тем более немецких научных и законодательных разработок, активно развитом в период Первой мировой войны, а после ее окончания не сразу, но спустя определенное время утасло.

Может показаться, что приведенные примеры не требуют какого-либо углубленного познания. Наличие «разного знания» в одном случае и «однородного знания» — в другом объясняется неточностью или неполнотой используемой для их обоснования информации. Аргументы о неизменности и универсальности методов (наблюдения, анализа, синтеза и др.) обработки сведений о познаваемом объекте также часто используются для указания на то, что проблема уголовно-правового знания может заключаться только в недоброкачественности данных, из которых оно формируется. Вместе с тем известно, что механическое увеличение источников информации и арифметическое сложение получаемых из них

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц (вступ. ст. и прим.); пер. с нем. М.И. Левина, Б.Г. Стоппнер. М., 1990. С. 97.

² См.: Корет Эмерих. Основы метафизики / пер. В. Терлецкого. Киев, 1998.

сведений не всегда приводит к появлению нового качества, нового мышления, нового знания, нового понимания, а также правопонимания. Подтверждение тому — современность, не испытывающая дефицита информации.

Ныне поток и объем поступающих сведений кратно растет, количество мнений и производимых понятий множится. Вслед за этим уголовное законодательство интенсивно корректируется, формулировки его положений регулярно уточняются. Но картина, судя по оценкам специалистов, не улучшается и не проясняется. И они продолжают вести речь о стагнации уголовного права. Появление дополнительных сведений существенно не содействует реабилитации отрасли и обретению ею необходимых сил. Вскрылась скорая деактуализация получаемых сведений, невозможность и ненужность ее переработки. Из-за их переизбытка предпринимаются повторные попытки по анализу, синтезу, систематизации и классификации вырабатываемых представлений. И так по кругу.

Более того, говоря словами Б. Гросса, возникла «информационная перегрузка», ставшая причиной наступления ряда негативных последствий. Бесцельный и бесконечный рост «информационного изобилия» привел к формированию, применяя терминологию американского нейрофизиолога Д. Льюиса, «синдрома информационной усталости», сопровождающегося расконцентрацией внимания и появлением состояния тревоги, аналитическим параличом и снижением способности принимать обдуманные решения. Под его неосознанное воздействие попали как практики, так и теоретики права. Первые начали со скоростью и хаотичностью информационных потоков модифицировать законодательство. Другие не стали разбираться в причинах несостоятельности их прежней позиции о роли в судьбе права «информационной недостаточности», а просто изменили отношение к этому недугу на прямо противоположное мнение. В увеличившемся потоке законодательных правок как результате насыщенного информационного воздействия стали усматривать одну из детерминант кризиса уголовного права. И вновь был предложен аргумент не как плод трудоемкого доказывания ученых-криминалистов, а как следствие воздействия на них вируса медиабулимии.

В итоге на пути к истине об уголовно-правовом мире, его явлениях и закономерностях появился «информационный занавес», в связи с чем познаваемые феномены стали обезличиваться, утрачивать специфичность и первоначальное определение. Иными словами, не столько право, сколько знание о праве в новых социально-технологических условиях утрачивает прежнюю дееспособность и функциональность. Для познания, основанного на традиционной методологической парадигме, сегодня оказывается

затруднительно воспринимать модифицированную реальность и собирать ее трансформировавшиеся части в доступное и понятное для человека целое. Возникла сложность, как говорил М.К. Мамардашвили, «держать их собранными». Из-за немоги произвести эти функции значение научного знания снижается до уровня бытового знания, характерного для большинства людей, которые, как отмечал мыслитель, «мало к чему сами по себе способны и ничего не знают, кроме хаоса и случайности»³. Несмотря на это, роль знания в наступившем кризисе не исследуется. Вопросы о том, по какому пути знание повело и почему привело обслуживаемую отрасль к кризису, что ему мешает найти выходы из «леса смутных образов и понятий»⁴, не актуализируются. Цель по отысканию неувиденных знатоками тенденций и закономерностей, еще не распознанных проявлений криминального мира, не ставится. Задача по выявлению познавательных точек бифуркаций и развилочек, оставленных позади и по разным причинам не выбранных при изучении связанных с преступлением и наказанием дилемм, не решается.

Не случайно отмеченные вопросы оставлены без внимания. Они сложны для рассмотрения. Их разрешение предполагает проведение некомфортной процедуры — перевод правоведов из привычного (самоуверенного и даже самодовольного) положения субъектов познания в подопытное состояние объектов изучения и предусматривает, как писал В.В. Бибихин, «делать какие-то операции над собой, чтобы изменить себя или других», при необходимости «преодолеть в себе какого-то там раба»⁵. Потребность работы над собой обусловлена также тем, что мысль и мышление, как основание любого вида познания и знания, составляют духовную деятельность человека. В отличие от чувственного опыта, бытующего во внешней среде, мысль имеет внутреннее происхождение, заключает в себе, по убеждению Гегеля, глубочайшую сущность человека и его отличие от животного. «Мысль... представляет собой самый возвышенный и, точнее говоря, единственный способ, которым может быть постигнуто вечное и в-себе-идля-себя-сущее». С ее помощью «он знает, что он такое и что он делает»⁶.

Итак, еще раз убеждаемся в том, что гносеология требует познание знания, в том числе научного, и не предопределяет отвлечения от темы. Напротив, оно через тему обращает исследователя к самому себе и предусматривает его «вхождение в свое

³ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М., 2004. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012. С. 138.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 110.

собственное». Это означает, что при познании знания последний смотрит вовнутрь себя, где среди прочих бытующих ипостасей собственного лица отыскивает себя как познающего субъекта. Выделяет в себе двух особ, понимая, что эти персоны сожительствоуют, но не находятся друг с другом в браке. Если следовать терминологии М. Хайдеггера, то каждый из них располагает собственной не сливаемой, не отслаиваемой друг от друга экзистенцией. Их нельзя ни абсорбировать, ни редуцировать. Познающий субъект руководствуется мыслью и живет ее логикой, а бытующий — повседневно наблюдаемым множеством. Если последний изучает юридические факты, то первый «познает и постигает мысли, лежащие в основе права», «стремится понять право как мысль»⁷. В этом плане гносеология отстаивает тезис о человеке как о существе мыслящем.

На основании антропологического разделения двух персон специалисты отграничивают «высокое мышление», относящееся к познанию, от «вмешивающегося мышления», от своих мнений и возражений иного рода, представляющих собой либо субъективное послесловие, либо необоснованные уверения. Об этом писал В.В. Бибихин: «Когда мы представляем себя как место высокому мышлению, тогда нам лучше не мешаться уже со своими собственными мыслями; мы должны бить себя по рукам, заставляя себя ничего не прибавлять от себя к тому “процессу”, который пошел в нас и теперь идет»⁸. Здесь искусство невмешательства состоит в том, чтобы не происходило смешение конструирующего мышления с просто мышлением. Этой способностью, отмечал ученый, человек отличается от других живых существ (например, пчел), у которых строительное искусство составляет их натуру, «срослось с ними».

На практике, однако, обеспечить и тем более удерживать от вторжения в дела друг друга два вида мышления индивиду, в котором они сожительствоуют и по воле сознания вынуждены уживаться, весьма затруднительно, а порой — невозможно. Как правило, либо познающий упрекает бытующего в безволии и подстрекает его к действию, либо бытующий уличает познающего в незнании и понуждает к новым познаниям. Нередко они вовсе находятся или в неприкрытом конфликте, или в мире и неразличимом единодушии. Вместе с тем в момент нужды в истине каждый из них осознает насущность и необходимость во взаимной дистанцированности и для ее обеспечения заключают временное перемирие, признавая пределы компетенции друг друга. Без взаимоудаленности они лишаются доступа к истине или, по Ф. Аквинскому, к «тождеству вещи и представления», или, как

выражался Б. Больцано, к пониманию «нечто так, как оно есть»⁹. Прежде всего — к получению истины о себе и избавлению себя от отравляющей лжи о себе. В т.ч. от мифических сил, эффектов, фантазий, иллюзий и персонажей, как их называл Э. Кассирер¹⁰.

Для достижения и постижения истины гносеология разрабатывает методологию научного познания, чтобы были ясность сознания и правильное мышление. С целью соответствия этим требованиям методология воспроизводит правила, обеспечивающие: 1) согласие мышления с самим собой (элементов знания друг другу); 2) тождество понятия и предмета; 3) соответствие восприятия и факта; 4) корреспондентность реальности и знания о ней. Во всех случаях, как видно, речь идет о согласованности или соответствии, либо всеобъемлющей гармонии как генеральном признаке истины и основополагающем свойстве научного знания. К числу ключевых и смыслообразующих факторов знания также относятся целостность и системность. Через соответствие этим факторам обеспечивается обоснованность, достоверность и объективность научного знания, его отличие от других видов знания и познания — обыденного, художественного, религиозного, мифологического, философского.

Здесь следует отметить, что на практике представители науки уголовного права не часто утруждают себя вопросом об истине уголовного права. Тема отдана на откуп преимущественно науке уголовно-процессуального права. Авторы учебной литературы по уголовному праву даже не упоминают о ее существовании. Несмотря на это, истина составляет цель науки и ее важнейшую ценность, в подавляющем большинстве диссертаций вопрос о ней и о соотношении с ней задач изысканий не ставится. Положения работ, где описываются использованные методы и методики, приобрели тривиальный и безынтересный характер. С изменением, дополнением или обновлением методологического инструментария, исследовательских программ и мировоззренческих парадигм ученые не связывают надежд на получение эвристических результатов. Специалисты удовлетворены традиционным составом методов, типичностью и схематичностью их применения как в теории, так и на практике уголовного права.

Причина такого положения дел в науке рассматриваемой отрасли научного знания состоит не только в исследовательском невежестве и недооценке потенциала гносеологии. Из философии узнаем, что детерминанта, названная невежеством и пренебрежением, на самом деле есть источник новой теории

⁷ Гегель Г.В.Ф. *Философия права* / сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсеяни (вступ. ст. и прим.); пер. с нем. М.И. Левина, Б.Г. Столпнер. С. 58.

⁸ Бибихин В.В. *Указ соч.* С. 139.

⁹ Больцано Бернхард. *Учение о науке* (избранное). СПб., 2003. С. 67.

¹⁰ См.: Кассирер Эрнст. *Философия символических форм*. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб., 2002. С. 15.

истины — «консенсусной», к основоположникам и последователям которой относят Ю. Хабермаса, К. Поппера и др. Она исключает понимание познания как стремления к истине. Исходит из того, что любое знание совершенно и истинно. В отечественной науке уголовного права у этой теории есть авторитетные последователи. С одной стороны, Я.И. Гилинский, который не согласился с Сократом и решил отказать мыслителю в малом, в том немногом, с чем он зашел в мировую философию и на что претендовал — в знании только того, что он ничего не знает. Более верным и точным, по мнению современного криминалиста, является выражение: «Я не знаю, знаю я что-нибудь или не знаю...»¹¹. С другой стороны, А.В. Наумов — с позицией о самодостаточности науки уголовного права, которая, по его мнению, сложилась в XVIII–XIX вв., и с тех пор ее удел состоит в эволюционном и органическом развитии, в приспособлении своих давних идей к новым реалиям¹². В меньшинстве остаются такие как Ю.В. Голик. Он не согласился с позицией В.Ф. Шеллинга, уравнивавшего заблуждение с извращенной истиной¹³. Развертывание этого тезиса, по убеждению правоведа, ведет к обнаружению неверного утверждения о том, что «заблуждения как такого нет, есть только разная степень проявления истины»¹⁴.

На основе широко распространенных и глубоко укорененных установок Я.И. Гилинского и А.В. Наумова в науке уголовного права никому не отказывается во мнении, и почти каждое из высказанных суждений причисляется к знанию. Наука стала представлять собой пустынное поле мнений, на котором одни высказывают убеждение, а другие одобряют его или не соглашаются с ним. Третьи, в свою очередь, примыкают к одним или другим. Вместе с тем в гносеологии тема диаметральной противоположности мнений о предмете не стоит в ряду проблемных. А способы оперирования с мнениями путем их сложения или приумножения, синтеза или интеграции либо, напротив, дезавуирования отнесены к числу элементарных функций, характерных в основном для бытового мышления. Подлинным предметом интереса гносеологии выступают те проблемы знания и познания, которые требуют совершенствования алгоритма исследования или целой парадигмы осмысления действительности.

¹¹ Гилинский Я.И. Есть много истин, но нет истины // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всеросс. науч.-практ. конф.: сб. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб., 2018. С. 86.

¹² См.: Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

¹³ См.: Шеллинг В.Ф.И. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 221.

¹⁴ Голик Ю.В. Истина в уголовном праве: аналитический доклад. СПб., 2013. С. 44.

Следует подчеркнуть, что гносеология занимается совершенствованием не только логических форм, знаково-языковых элементов, семантических связей и грамматических условий, реализуемых в познавательной деятельности. В ходе развития теории познания важное значение приобрел моральный критерий. Его введение в научный оборот и направление против субъекта познания было оправдано необходимостью служения истине. С помощью этого критерия от последнего требуется критическое, искреннее и признательное отношение к себе. В частности, вырабатывается его способность признаваться в том, что ранее в своих рассуждениях заблуждался или ошибался, либо в ходе исследования преследовал не научные, а политические или идеологические цели; для облегчения своей работы использовал нетрудоемкие способы освоения действительности, доверялся не перепроверенным аксиомам и стереотипам. По этому поводу исчерпывающе высказался В. Виндельбанд, заметивший, что «пока идет работа мысли, моральной силе надлежит устранять и подавлять посторонние впечатления, соблазны фантазии и личные интересы, чтобы сознание было свободно для своих целей... и лишь нравственная строгость в поисках истины может привести его на правильный путь и до конца удержаться на нем»¹⁵.

Значение морального аспекта получило расширение в связи с развитием научного знания и вслед за ним технологических возможностей человека. Если во времена В. Виндельбанда этический индикатор имел назначением избавление исследователя от излишних эмоций, то в зрелые годы жизни В.И. Вернадского нравственный компонент начал приобретать черты требования об ответственности ученых. Уже в 1922 г. он отмечал, что «недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он хочет», поэтому «ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за все последствия их открытий»¹⁶.

Если подвести итоги сказанному, то нужно отметить, что в ходе гносеологической работы выясняются обстоятельства, довлеющие над исследователем в рамках познавательного процесса и побуждавшие его на это изыскание. То есть получаются ответы на вопросы о том, кто и что в этот период на него влияло: собственный характер, темперамент, склад ума, положение в обществе или предшествовавшая воспитательно-образовательная подготовка.

¹⁵ Виндельбанд В. Избранное. Дух и история / пер. нем. М.И. Левиной, Г. Сониной; отв. ред. П.П. Ефремов; прим. М.А. Ходанович. М., 1995. С. 183.

¹⁶ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 395.

Эти обстоятельства Ж.П. Сартр назвал «посредствующими звеньями и вспомогательными дисциплинами». В их состав он включил внутренний разлад, нерешительность, двойственность, а также неспособность преодолеть эти слабости, за счет которых познавательный процесс наполняется парадоксами, сомнениями, непоследовательностями и т.д. Только после определения действительного места рассматриваемого субъекта в тотальном процессе (выяснения материальных условий существования, выявления породившего класса, интересов этого класса и их развитие, форм борьбы против других классов и сложившегося соотношения сил), его суждение, решение или книга, как писал мыслитель, могут предстать в «объективной реальности как некоторый момент <...>; им дадут определение, исходя из факторов, которыми они обусловлены, и из реального действия, которое они производят...»¹⁷.

Быть может на познающего оказало воздействие бремя времени, которое ему выпало честь пережить. Истории известно множество примеров, в т.ч. пример Г. Гроция, написавшего свой выдающийся труд «О праве войны и мира» в период Тридцатилетней войны (1618–1648), охватившей большинство государств Европы. Нахождение философа в гуще бедственных событий привело к тому, что ключевыми источниками его творческих переживаний стали феномены войны и мира. В них мыслитель обнаружил онтологический базис для всего бытия и, в частности, правового. Он воспринял их неизбежными явлениями мироздания, поскольку ни в естественном праве, ни в истории не нашел доказательств, отвергающих войну¹⁸. Показателен также опыт Ж.-Ж. Руссо. После начала его уголовного преследования властями Франции за взгляды против Правительства он существенно пересмотрел свои представления об общественном устройстве. Если в «Об общественном договоре...»¹⁹ государство у него олицетворяло совершенство гражданского состояния, то в «Письмах с горы» он отделил государство от правительства, правление от верховной власти, закон от властных повелений. В этом же сочинении появился новый ряд определений уголовно-правового порядка. Речь идет, к примеру, о «воображаемом преступлении» или о «невинном наказе»²⁰.

Не менее интересен творческий путь римского государственного деятеля, богослова и философа Средневековья А. Боэция, посвятившего подавляющую часть своей жизни переводу и комментаторству

греческой философии, написанию религиозных трудов. Однако после того, как Боэций подвергся незаконному преследованию, он сосредоточился на рассмотрении вопросов уголовно-правового порядка, обратив внимание на преступление как на искусственное, умозрительное и во многом рукотворное дело, в т.ч. на роль институтов власти, правосудия и всего общества в инспирировании и поддержке обвинения²¹.

Вероятно, на научный или мировоззренческий ориентир исследователя, его выбор позитивистских либо метафизических методов познания воздействовали уже признанные в соответствующей области науки авторитеты. Известно, например, что ведущий русский криминалист С.В. Познышев сформировал представления об объекте преступления как о конкретных отношениях, вещах и состояниях лица на основании взглядов немецкого юриста Л.Ф.Л. Оппенгейма²². Н.С. Таганцев же, во многом благодаря представлениям К.Л. Биндинга, Р. Иеринга и Л.А. Фейербаха, пришел к выводу о том, что преступное деяние посягает на юридическую норму в ее реальном бытии, то есть на охраняемый нормой интерес жизни²³. Не проводя собственных исследований уголовно-правовых ценностей, а ограничиваясь аналитическим разбором мнений и личными предпочтениями в этом деле, специалисты переняли «чужой» понятийный аппарат, не свойственную им логику размышлений и посторонний стандарт восприятия действительности. В итоге, как признал С.В. Познышев, все современные русские классики вслед за их немецкими коллегами стали позитивистами²⁴.

После выяснения социально-индивидуального контекста, окружающего субъекта познания, гносеология предусматривает сосредоточение уже над его сознанием как «внутренним взглядом» и основным органом познания. Предполагает проверку приборов его видения и распознавания, настроек и механизмов, обеспечивающих восприятие реальности и ее перевод из физического в психическое, из бессознательного в сознательное, из эмпирического в идеалистическое состояние, т.е. в ту конституцию, в которой эту реальность способен принимать разум человека. Для того чтобы он мог не только пассивно воспринимать, но и активно оперировать ею в практической деятельности, она путем целенаправленного мышления далее преобразуется в теории, доктрины, концепции и другие диспозиции.

¹⁷ Сартр Ж.П. Проблемы метода. Статьи / пер. с франц. В.П. Гайдамака. М., 2008. С. 37.

¹⁸ См.: Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт, с изд. 1956 г. / пер. с лат. А.Л. Саккетти. М., 1994. С. 67.

¹⁹ Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968. С. 525, 526.

²⁰ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 352–406.

²¹ См.: Боэций. Утешение Философией и другие трактаты / пер. В.И. Уколовой и М.Н. Цейтлина. М., 1990.

²² См.: Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 131–134.

²³ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 48–51.

²⁴ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 14.

С учетом этого проверка «внутреннего взгляда» включает в себя выяснение и классификацию: 1) исходного эмпирического базиса, который в свое время привлек к себе внимание общественного сознания и потребовал теоретического объяснения; 2) исходной теоретической основы, то есть первичных постулатов, аксиом, стереотипов и даже верований, использованных для фиксации опорочившей себя реальности и установления для нее новых идеалов бытия; 3) логики теоретической концепции уголовного права, используемые ею алгоритмы для обработки собираемых доказательств и формулирования на их основе соответствующих выводов; 4) совокупности выведенных утверждений, составляющую массив теоретического знания.

* * *

Из всего сказанного следует, что для гносеологии теория всегда является какой-то определенной категорией. Не существовало и не существует неких «общих» или универсальных теорий, а именно тех концептов, которые бы полностью включали в себя все состояния познаваемого объекта, исчерпывали собой эти состояния, были способны распознать и просчитать потенцию соответствующей области бытия. Изменение хотя бы одного из четырех упомянутых выше параметров может привести либо к утрате прежней картины мира, либо к обнаружению неявных зависимостей и неконтролируемых процессов. Поэтому в философии ответ на вопрос о том, что есть уголовное право, во многом зависит не только от природы этого явления (онтологии), но и от той парадигмы знаний и способов познания (гносеологии) и системы ценностей (аксиологии), которые выбираются при попытке постижения его сути.

Таким образом, основное отличие гносеологических публикаций состоит в том, что их прочтение должно либо предшествовать, либо следовать сразу после ознакомления с учебниками, лекциями, пособиями и монографиями, исполненными в традиционном стиле и формате. Для чего? Для главного — возникновения понимания прочитанного, формирования собственного мнения о прочитанном и увиденном с помощью прочитанного; получения знания не только о написанном, но и том, «что думали и говорили составители этих сочинений». Для того, как писал И.Г. Фихте, «чтобы ты сам думал и притом... думал именно так, как думал я». Чтобы, читая, ты продолжал мыслить; воспринимая слова, — схватывал их смысл, т.е. для того, неустанно пояснял философ, чтобы «действительно пустить в ход твой рассудок и противопоставить его в борьбе моему». В ходе такой работы рассудок «должен излечиться от своей прирожденной слепоты и в допущении к своему естественному свету получить

там искусственный». Без обращения к рассудку и его включения понимания не достигнуть²⁵.

В ином случае читатель, а за ним каждый обыватель рискует остаться заложником обезличенной учебно-официальной или служебной литературы, в которой, как отмечал В.В. Розанов, нет ничего народного, «дыхания жизни», «чего-нибудь идущего из живого общества». Она во многом вербальна, а не реальна, «имеет декорум науки и не имеет души ее; то есть она не имеет порыва и... “жизненного пороха”; взрывчатого, биологического начала»²⁶. В ней не исследуется природа права и не рассматриваются связанные с ней темы, но около этих тем или по поводу этих тем, собираются и классифицируются «крохи древнего и нового мышления»²⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб., 2012. С. 138, 139.
2. Больцано Бернхард. Учение о науке (избранное). СПб., 2003. С. 67.
3. Бозций. Утешение Философией и другие трактаты / пер. В.И. Уколовой и М.Н. Цейтлина. М., 1990.
4. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 395.
5. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история / пер. нем. М.И. Левиной, Г. Сониной; отв. ред. П.П. Ефремов; прим. М.А. Ходанович. М., 1995. С. 183.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права / сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц (вступ. ст. и прим.); пер. с нем. М.И. Левина, Б.Г. Столпнер. М., 1990. С. 58, 97.
7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 110.
8. Гилинский Я.И. Есть много истин, но нет истины // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: материалы Всеросс. науч.-практ. конф.: сб. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб., 2018. С. 86.
9. Голик Ю.В. Истина в уголовном праве: аналит. доклад. СПб., 2013. С. 44.
10. Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт, с изд. 1956 г. / пер. с лат. А.Л. Саккетти. М., 1994. С. 67.

²⁵ См.: Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 1. / сост. и прим. Вл. Волжского. СПб., 1993. С. 572, 574.

²⁶ Розанов В.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1: Природа и история; Религия и культура / сост. П.П. Апрышко; вступ. ст. А.Н. Николюкина. М., 2012. С. 210.

²⁷ Там же. С. 211.

11. *Кассирер Эрнст*. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб., 2002. С. 15.
12. *Корет Эмерих*. Основы метафизики / пер. В. Терлецкого. Киев, 1998.
13. *Мамардашвили М.* Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М., 2004. С. 18, 19.
14. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.
15. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 14, 131–134.
16. *Розанов В.В.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 1: Природа и история; Религия и культура / сост. П.П. Апрышко; вступ. ст. А.Н. Николюкина. М., 2012. С. 210, 211.
17. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 352–406.
18. *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968. С. 525, 526.
19. *Сартр Ж.П.* Проблемы метода. Статьи / пер. с франц. В.П. Гайдамака. М., 2008. С. 37.
20. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 48–51.
21. *Фихте И.Г.* Соч.: в 2 т. Т. 1. / сост. и прим. Вл. Волжского. СПб., 1993. С. 572, 574.
22. *Шеллинг В.Ф.Й.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 221.
- transl. from German M.I. Levin, B.G. Stolpner. M., 1990. P. 58, 97 (in Russ.).
7. *Gegel G.V.F.* Encyclopedia of philosophical Sciences. Vol. 1. M., 1974. P. 110 (in Russ.).
8. *Gilinsky Ya.I.* There are many truths, but there is no truth // Legal truth in angular law and process: materials of the all-Russian scientific and practical conference: collected / under the General ed. of K.B. Kalinovskiy, L.A. Zashlyapin. SPb., 2018. P. 86 (in Russ.).
9. *Golik Yu. V.* Truth in Criminal Law: analytical report. SPb., 2013. P. 44 (in Russ.).
10. *Grotius G.* On the law of war and peace. Reprint, with ed. 1956 / transl. from lat. A.L. Sacchetti. M., 1994. P. 67 (in Russ.).
11. *Cashier Ernst.* Philosophy of symbolic forms. Vol. 2. Mythological thinking. M., SPb., 2002. P. 15 (in Russ.).
12. *Koret Emerich.* The foundations of metaphysics / transl. by V. Terletskiy. Kiev, 1998 (in Russ.).
13. *Mamardashvili M.* Consciousness and civilization. Texts and conversations. M., 2004. P. 18, 19 (in Russ.).
14. Open letter from Professor A.V. Naumov to academician V.N. Kudryavtsev // Criminal Law. 2006. No. 4. P. 138 (in Russ.).
15. *Poznyshv S.V.* Basic principles of the science of Criminal Law. General part of Criminal Law. M., 1912. P. 14, 131–134 (in Russ.).
16. *Rozanov V.V.* Collected works: in 8 vols. Vol. 1: Nature and history; Religion and culture / comp. P.P. Apryshko; Intro. art. A.N. Nikol'yukin. M., 2012. P. 210, 211 (in Russ.).
17. *Rousseau J.-J.* Treatises. M., 1969. P. 352–406 (in Russ.).
18. *Rousseau Zh.-Zh.* Julia, or New Eloise. M., 1968. P. 525, 526 (in Russ.).
19. *Sartre J.P.* Problems of the method. Articles / transl. from French V.P. Gaidamaka. M., 2008. P. 37 (in Russ.).
20. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. Lectures. General part. Vol. 1. SPb., 1902. P. 48–51 (in Russ.).
21. *Fichte I.G.* Writing: in 2 vols. Vol. 1. / comp. and note. SPb., 1993. P. 572, 574 (in Russ.).
22. *Schelling V.F.Y.* Writing: in 2 vols. Vol. 2. M., 1989. P. 221 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Bibikhin V.V.* Property. The philosophy of his own. SPb., 2012. P. 138, 139 (in Russ.).
2. *Bolzano Bernard.* The doctrine of science (selected). SPb., 2003. P. 67 (in Russ.).
3. *Boethius.* Consolation by Philosophy and other treatises / transl. V.I. Ukolova and M.N. Tseitlin. M., 1990 (in Russ.).
4. *Vernadsky V.I.* Philosophical thoughts of a naturalist. M., 1988/ P. 395 (in Russ.).
5. *Windelband V.* Izbrannoe: Dukh I istoriya / transl. from German M.I. Levina, G. Sonin; ed. by P.P. Efremov; rev. ed. M.A. Khodanovich. M., 1995. P. 183 (in Russ.).
6. *Gegel G.V.F.* Philosophy of Law / comp. D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants (introductory article and note);

Сведения об авторе

БОЧКАРЁВ Сергей Александрович – кандидат юридических наук, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BOCHKAREV Sergey A. – PhD in Law, research associate of the Institute of State and law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia